

УДК 327.8

КАРПОВА Анна Юрьевна — к.соц.н., доцент кафедры социологии, психологии и права Института социально-гуманитарных технологий национального исследовательского Томского политехнического университета (634050, Россия, г. Томск, пр. Ленина 30; belts@tpu.ru)

ВЕСКАЯ СИЛА РОССИИ (SOLID POWER) В НОВОМ МИРОВОМ ПОРЯДКЕ

Аннотация. В представленной работе автор дает определение, обоснование и описание новой концептуальной метафоры *solid power*. Основная гипотеза автора строится на том, что американские концепты мягкой и умной силы позволяют строить доктрины, стратегии и сценарии, которые являются опорой для идеологического оформления политики *hard power*, завуалированной под идею продвижения «образцовой» американской демократии и оправдания военного вмешательства и экономического давления на другие страны при добровольном согласии/участии граждан. Автор указывает на причины политических просчетов американской администрации, которые привели США к дефляции ресурсов мягкой и умной силы и постепенному убыванию ее потенциала. Вследствие этого США стремительно теряют свой политический авторитет на международной арене. Толчком к этому послужили события в Украине, которые обнажили проблемные места в американских силовых сценариях. По мнению автора, Россия реализует новый сценарий, опирающийся на вескую силу как новую форму политической власти, основой которой выступают диалог, доверие, единение. Россия возвращается в «большую политику» сильной, самостоятельной, готовой отстаивать свои интересы и восстанавливает свое влияние в мире. Политическая модернизация картины мира на арене борьбы за Украину создает точку невозврата к прежней однополярной модели существования.

Ключевые слова: жесткая сила, мягкая сила, умная сила, веская сила, технология, просчеты, сценарии, доктрина, концепт, стратегия, конфликт, Украина, Россия, США

«Есть только одно мерило власти — доверие людей. Никакого другого мерила нет». Не существует. Все остальное — это иллюзия власти, и это очень опасная иллюзия»¹. Этой цитатой из интервью В.В. Путина журналу *Time* в декабре 2007 г. мы хотим обозначить тот ресурс, благодаря которому он добился признания на международной арене. Именно этот ресурс является главной опорой новой политической инженерии России и ключевым элементом *solid power*.

XX в. прошел по сценарию, который США навязали всему миру: политическая экспансия «образцовой» американской демократии через политику жесткой силы. Концепты мягкой и умной силы стали прикрытием жесткого силового сценария США, но оказались неспособными обеспечить американской политике авторитет на международной арене. Мы считаем объективной закономерностью то, что новая сила возникла именно в России. Что это за сила? В чем она выражается? На эти вопросы мы постараемся ответить в данной работе.

В политическом дискурсе понятие «сила» используется как концептуальная метафора, включающая в себя определенный набор атрибутов. Именно такие трансформации произошли с понятием силы в результате использования в политическом дискурсе таких словосочетаний, как *hard power*, *soft power*, *smart power*. По мере развития идеи той или иной силы как формы политической власти данные выражения приобрели значение концептуальных метафор² [Лакофф, Джонсон 2008: 126-170]. Концептуальная метафора может быть правильно понята в том случае, если ее интерпретация проста и очевидна. Концепты *hard power*, *soft power*, *smart power* создавались как сценарии для обоснования/поддержания политических действий американской администрации во внешней политике в XX и начале XXI в.

Ярко выраженный силовой характер американской политики требовал оправда-

¹ Putin Q&A: Full Transcript. — *Time*. URL: http://content.time.com/time/specials/2007/personoftheyear/a/rfile/0,28804,1690753_1690757_1695787-10,00.html (accessed 11/07/2014).

² Понятие концептуальной метафоры ввели в научный оборот Д. Лакофф, М. Джонсон в работе «Metaphors We Live By». Под этим понятием авторы подразумевают прозаическое или поэтическое выражение, являющееся концептом и употребляющееся в непрямом значении, чтобы выразить эксплицитный смысл ассоциативного образа понятия.

ния для продвижения внешнеполитических целей и создания позитивного образа Америки на международной арене. Создание образа супердержавы строилось на противопоставлении «империи зла». Одной из главных задач в этом направлении на протяжении последних десятилетий для США стала выработка стратегии ослабления и депопуляризации России. Довольно распространенная цитата из работы З. Бжезинского — «новый мировой порядок при гегемонии США создается против России, за счет России и на обломках России» — наглядно демонстрирует культивируемое в США желание изоляции/ослабления России [Бжезинский 2010: 127]. Большой американский блеф раскручивания концептов несуществующих сил был создан для маскировки позиции действующей власти в конце XX в. На деле внешнеполитическая стратегия представляла собой новый милитаристский сценарий, начавшийся с прямого использования вооруженных сил: это военная интервенция в Панаме (1989), подавление государственного переворота на Филиппинах (1989), поддержка военного переворота на Гаити (1990), операция против Ирака — «Буря в пустыне» (1990–1991) и др. военные операции, проводимые под лозунгом «распространения демократии». Заявление Дж. Буша-старшего: «...[США] единственная страна на Земле, которая может собрать силы мира. Это бремя лидерства и силы, которая сделала Америку маяком свободы в поисках мира»¹, легло в основу новой внешнеполитической доктрины.

Концепты мягкой и умной силы, возникшие в этот период времени, являлись опорой для идеологического оформления использования военной мощи США, завуалированного под идею продвижения демократических ценностей и манипулирование общественным мнением как в самих Соединенных Штатах, так и во всем мире. Данный курс был пролонгирован Клинтоном (1993–2001), втянувшим Америку в новые локальные конфликты, продолжен Дж. Бушем-младшим (2001–2009), который продемонстрировал политику жесткой силы, инициировал вторжение в Ирак и укрепление НАТО вокруг границ России, и привел к имиджевым потерям, падению морально-политического авторитета, направленного на расширение могущества США, при Обаме (с 2009). Продемонстрировав на словах приверженность доктрине: «Америка должна оставаться маяком для всех, кто ищет свободу в период исторических перемен»², на деле Обама продолжает реализовывать жесткие силовые сценарии в Ливии, инициирует военную операцию против Сирии, военный переворот в Египте, провоцирует и поддерживает «цветные революции» в Грузии, а теперь и на Украине. Можно сказать, что военные перевороты стали новым легальным оружием американской демократии, а военные операции — способом утверждения идеологии американского всемогущества.

Следует отметить, что силовые концепты четырех последних президентов строятся на реализации технологии управляемого хаоса — главного инструмента для обеспечения мирового порядка, соответствующего интересам США. Но граница между неуправляемым и управляемым хаосом довольно хрупкая. Поддерживать порядок в мире, погружающемся в хаос, для США, которые теряют контроль над этой технологией, становится все сложнее.

События в Украине обнажили проблемные места в американских силовых сценариях. Возникла ситуация, при которой старые сценарии для обоснования политических действий американской администрации стали непригодны, а новые — не написаны. Коллизия возникла в результате непоследовательных, контрпродуктивных решений администрации Обамы, которые не были подкреплены реальными политическими действиями в момент стремительного развития событий на Украине. Но поскольку в любом сценарии коллизия должна быть устранена, требуется новая мощная и преобразующая сила.

В этих условиях наступательная стратегия России, направленная на завоевание сторонников и союзников во всем мире, определила направление нового сценария трансформации общей структуры мироустройства, механизмы управления, кон-

¹ Bush G. Address before the Joint Session of the Congress on the State of the Union. 29.01.1991. URL: <http://www.presidency.ucsb.edu/ws/?pid=19253> (accessed 10.05.2014).

² Obama B. Address before a Joint Session of Congress on the State of the Union. 12.02.2013. URL: <http://www.presidency.ucsb.edu/ws/?pid=102826> (accessed 11.05.2014).

троля и обеспечения безопасности. Данный сценарий предусматривает возможность укрепления «коллективных начал международной жизни с упором на переговоры, поиски компромиссов мирным путем», которые, по словам В.В. Путина, «должны стать императивом»¹. Новая сила строится на принципах взаимодействия, транспарентности и взаимответственности.

Как подчеркивает В.В. Путин, Россия должна «энергично продвигать безусловный приоритет правового политико-дипломатического урегулирования острых проблем»² при помощи твердого, конструктивного и гибкого дипломатического инструментария. Мы полагаем, что Россия реализует новый сценарий, который можно определить как *solid power* – веская сила. Определение «веский» используется здесь как метафорический признак силы, поскольку в русском и английском языке данное понятие имеет схожие интерпретации: твердый, авторитетный, убедительный, ощутимый, влиятельный.

В самом общем виде под *solid power* мы подразумеваем новую форму политической власти, основой которой выступают диалог, доверие, единение.

Веская сила направлена на создание позитивного образа России на международной арене с опорой не на давление, а на убеждение. Маркером веской силы, по нашему мнению, является умение президента РФ реагировать на требование момента и разворачивать свою политику с учетом изменения реальности.

Всего десятилетие назад Россия вела оборонительную политику, которая ограничивалась лишь реакцией на поступающие вызовы со стороны Запада и США. С момента окончания российско-грузинской войны стало очевидно, что Россия возвращается в большую политику сильной, самостоятельной и готовой отстаивать свои интересы. В.В. Путин доказал, что Россия восстанавливает свое влияние в мире и заставил мировое сообщество считаться с ее позицией. Но игнорирование американской администрацией убедительных и вполне разумных требований России к нынешней киевской власти, отсутствие заинтересованности в достижении дипломатических договоренностей на условиях взаимных уступок и компромиссов фактически привели Украину к гражданской войне. Очевидно, что в обозримом будущем политика Обамы, направленная на конфронтацию, только усугубит хаос, социальный и экономический кризис в Украине и в итоге приведет к новым социальным бунтам, а возможно, и к новому Майдану. Следует особо подчеркнуть, что в данной ситуации Россия, отказавшись играть по правилам, навязываемым США всему миру, продемонстрировала силу, которая способна кардинально изменить всю систему международных отношений. Индикатором этой новой, веской силы является растущее нежелание мировой обществу выстраиваться по ранжиру в «мировой казарме» США. Фактически это подтверждено тем, что попытка США навязать Европейскому сообществу силовой сценарий, направленный против России, не привела к каким-либо серьезным последствиям, поскольку реальных рычагов воздействия, чтобы добиться полной экономической и политической изоляции России, у Америки нет. Однополярная модель мира уже никем не признается.

Уловки американской политики

Сугубо практическая концепция *soft power*, предложенная американским политологом, экспертом в области международных отношений Джозефом Наем, оттачивалась им на протяжении почти 15 лет – с конца 1980-х гг., когда термин *soft power* был введен в политический текст, и до выхода в 2004 г. книги *Soft Power: The Means to Success in World Politics*.

Концепт мягкой силы в целом имеет опору на три составляющие: культурную, ценностную, политическую. Способность сочетать все эти достижения позволяет строить доктрины, стратегии и сценарии для поддержания американской власти при добровольном согласии/участии граждан.

¹ Путин В.В. Совещание послов и постоянных представителей России 09.07.2012. – *Сайт Администрации Президента РФ*. Доступ: <http://www.kremlin.ru/transcripts/15902> (проверено 29.05.2014).

² Там же.

Прочная идеологическая основа такого курса, опорой которого является использование жесткой силы, нашедшее оправдание в мягкой силе, «породила искушение переделать мир по американскому образу и подобию» [Киссинджер 1997: 733].

Сценарий мягкой силы не был убедительным обоснованием внешнеполитической стратегии США, поскольку, как отмечает сам Д. Най, «многим из традиционных инструментов мягкой силы, таких как участие общественности и дипломатии, не уделялось должного внимания, и поэтому они пришли в упадок»¹. Не найдя должной поддержки в американском обществе, интервенционистская политика, проводимая Д. Бушем-младшим, требовала нового обоснования оправданности военного вторжения в Ирак (2003), инициирования и поддержки конфликта между Грузией и Южной Осетией/Абхазией, расширения системы ПРО в Европе и других жестких действий. В этот период времени обозначились контуры нового сценария, о которых Д. Най сказал: «...для того чтобы добиться успеха, требуется новая стратегия и новые инструменты, одним из которых может стать “smart power”»².

Концепт *smart power* включает в себя жесткую силу принуждения и мягкую силу добровольного участия. Он ближе к реалиям внешнеполитического курса США и объединяет две до этого момента, казалось бы, несовместимые силы: жесткую и мягкую.

Концептуальная метафора «умная сила» прочно вошла в политический оборот гораздо позднее, чем о ней заявил Д. Най (2007), благодаря Хилари Клинтон (2009). В ходе сенатских слушаний Комитета по внешним отношениям она достаточно четко сформулировала суть новой формы политической власти: «С умной силой дипломатия станет авангардом внешней политики»³.

Само по себе формирование нового концепта умной силы можно признать позитивным фактом, который на словах свидетельствует об изменении формы внешнеполитической власти в США. На это прямо указывает Д. Най: «...термин “умная сила”» в XXI веке не подразумевает максимизацию власти или сохранение гегемонии. Речь идет о поиске путей для сочетания ресурсов в успешных стратегиях в новом контексте распыления власти и “подъема остального мира”» [Nye 2010].

Сказанное выше позволяет сделать вывод, что сценарии *soft* и *smart power* – это уловки американских политиков, создаваемые при помощи «конвертации властных ресурсов в желаемые результаты» [Nye 2010]. При опоре на инструменты мягкой и умной силы, прикрываясь ролью демократического арбитра, США вторгаются в дела других стран, используя *hard power*. Можно сказать, что дефицит целенаправленной убедительной политики применения мягкой и умной силы привел США к постепенному убыванию ее потенциала.

В XXI в. силовые сценарии перестали отвечать современным реалиям многополярного мира, а политическая власть, основанная на жесткой силе, перестала быть рациональным элементом внешней политики. Как показало время, экспорт «образцовой» американской демократии при помощи мягкой и умной силы оказался неэффективным и потребовал пересмотра. *De facto* толчком к этому послужили события, разворачивающиеся вокруг Украины.

Политические просчеты американской администрации ведут к кризису политической власти в США. И, как следствие, происходит дефляция ресурсов мягкой и умной силы в том смысле, который вкладывал в понятие политической дефляции Т. Парсонс: понижение ожиданий в обществе, которое порождает недоверие к власти [Парсонс 1998: 233-234]. Применительно к просчетам американской внешней политики в украинском силовом сценарии – это разочарование в политике США и ее реализации в мире.

Известный американский историк, эксперт в области международных отноше-

¹ Nye J.S. How America Can Become a Smarter Power. Smart Power Initiative. Center for Strategic and International Studies. CSIS (Commission on Smart Power). New York. 2007. URL: http://csis.org/files/media/csis/pubs/071106_csissmartpowerreport.pdf (accessed 05.06.2014).

² Ibid.

³ Clinton H. Use «Smart Power» In Diplomacy. CBSNEWS. 13.01.2009. URL: <http://www.cbsnews.com/news/clinton-use-smart-power-in-diplomacy/> (accessed 7.05.2014).

ний между СССР и США Стивен Коэн (*Stephen Cohen*), анализируя политические ошибки США в отношении России, указывает на следующие просчеты.

1. Искусственное создание американским истеблишментом образа врага путем пропаганды идеи о том, что виновником украинского кризиса является президент Владимир Путин и его «авторитарные» методы управления. По мнению Коэна, инициаторы новой «холодной войны» забывают о том, что есть «альтернативная версия, более согласующаяся с историческими фактами. Со времен администрации Клинтона и при поддержке каждого последующего президента, будь то от республиканцев или демократов и конгресса, Запад при лидерстве США бескомпромиссно приближал свой военный, политический и экономический потенциал все ближе к постсоветской России»¹. Это привело к обострению американо-российских отношений.

2. Демонизация личности российского президента ведет к расцвету русофобских настроений в американском истеблишменте: «Барак Обама отодвинул от себя Путина до такой степени, что из-за Украины США чуть не оказались на грани войны с Россией»². Коэн назвал это «настоящей бедой внешней политики США в XXI веке»³. Последствия такой недальновидной политики, по его мнению, могут быть плачевными. С. Коэн приводит такой аргумент: оттолкнув Россию, США способствуют развитию в первую очередь сотрудничества с Китаем и укреплению альянса стран БРИКС, что повлечет за собой формирование нового «центра силы». При этом США теряют надежного партнера в лице России «в ключевых аспектах собственной национальной безопасности: от ситуации по Ирану, Сирии и Афганистану до угрозы новой гонки вооружений, распространения ядерного оружия и повторных терактов»⁴.

3. Несоответствие истинного положения дел и их интерпретации американским истеблишментом. Коэн считает, что «истинная причина кризиса кроется не в России, а в разногласиях внутри Украины. Начало ему положил не Путин, а страны Запада. РФ предлагала провести трехсторонние переговоры по этим вопросам, но Брюссель отверг его, безответственно поставив Украину перед выбором. США и ЕС сразу признали новое правительство, в которое вошли представители неонацистских партий»⁵. Отказываясь поддерживать инициативу России о трехстороннем сотрудничестве, инициируя развитие милитаристского подхода к решению проблем, США фактически реализуют провокационный пропагандистский сценарий, который по мере развития событий теряет поддержку со стороны международной общности.

4. Поддержка преступной авантюры киевских властей на юго-востоке Украины. По его мнению, вместо того чтобы применить меры к прекращению военных действий, США способствуют «глупой, безрассудной, убийственной и бесчеловечной» операции украинских войск на востоке Украины. Коэн указывает на то, что «госсекретарь США (*Secretary of State*) Джон Керри фактически превратился в министра войны (*Secretary of War*)»⁶.

Свидетельством нарастающей политической дефляции, по-нашему мнению, являются и данные опросов, проводимых в самих США, — это опросы *Quinnipiac University*. «Негативно оценили работу Обамы и назвали его наихудшим президентом современности 33% участников опроса, 28% респондентов так назвали его

¹ Коэн С. 2014. Снова холодная война. Кто виноват? Доступ: <http://www.novayagazeta.ru/comments/63044.html> (проверено 17.06.2014).

² Коэн С. 2014. Обама поставил США на грань войны с Россией. Доступ: <http://www.rg.ru/2014/06/23/koen.html> 23/06/2014 (проверено 24.06.2014).

³ Коэн С. 2014. РФ является самым ценным партнером США на Ближнем Востоке. Доступ: <http://ria.ru/world/20140615/1012065279.html> (проверено 16.06.2014).

⁴ Коэн С. 2014. Снова холодная война. Кто виноват? Доступ: <http://www.novayagazeta.ru/comments/63044.html> (проверено 17.06.2014).

⁵ Коэн С. 2014. Начало кризису на Украине положил Запад. Доступ: <http://www.rg.ru/2014/06/17/koen-site-anons.html> (проверено 18.06.2014).

⁶ Там же.

предшественника – 43-го президента США Джорджа Буша-младшего. Негативная оценка Обамы по ключевым вопросам внешней политике выросла с 37 до 57%»¹.

По-нашему мнению, реализация украинского сценария, основанного на жесткой силе, в ближайшее время приведет к тому, что перечень просчетов американской администрации будет дополнен новыми причинами, ведущими к политической дефляции США.

Веская сила как основа новой политической инженерии

Без преувеличения можно сказать, что на протяжении последних 20 лет силовая политика США привела к катастрофе в международных отношениях, и, прежде всего, к элементам новой «холодной войны» между Америкой и Россией. В официальном заявлении МИДа России от 17 июля 2014 г. подчеркивается: «Если Вашингтон вознамерился обрушить российско-американские отношения, то это останется на его совести. Мы были и остаемся открытыми к конструктивному сотрудничеству со всеми государствами, в том числе с США, на принципах равноправия, невмешательства во внутренние дела и реального учета интересов друг друга»².

Суть новой стратегии внешней политики России подробно изложена в «Валдайской доктрине» В. Путина³. Мы лишь подчеркнем, что российский президент обозначил новый вектор международной политики, в которой «ключевые решения должны выработаться на коллективной основе, а не по усмотрению и в интересах отдельных государств либо группы стран... должно действовать международное право, а не право сильного»⁴.

История возникновения веской силы связана на наш взгляд с двумя событиями.

1. Мюнхенская речь В. Путина, в которой обозначены контуры новой политической инженерии⁵. Поскольку данная речь всесторонне анализировалась не только отечественными, но и зарубежными экспертами, подчеркнем лишь ключевые тезисы президента России, которые, на наш взгляд, стали доминантами политики веской силы:

а) ясная и категоричная формулировка позиции по поводу формирования будущего мироустройства: «Однополярная модель не только неприемлема, но и вообще невозможна»⁶;

б) четкое определение роли России в международной политике, которая направлена на снижение/предотвращение острых кризисов, войн и локальных конфликтов во всем мире;

в) твердая готовность России отстаивать основополагающие принципы международного права и предпринимать активные действия в отношении тех государств, которые этими нормами пренебрегают;

г) необходимость ведения диалога по любому международному вопросу, поиск консенсуса (фактически это призыв к мировому сообществу договариваться, а не вступать в конфликт, что по сути своей означает прямое противопоставление «умной публичной дипломатии»⁷ и силовой американской политики);

¹ Quinnipiac University National Poll. Obama Is First As Worst President Since WWII. URL: <http://www.quinnipiac.edu/news-and-events/quinnipiac-university-poll/national/release-detail?ReleaseID=2056> (accessed 03.06.2014).

² Заявление МИД России в связи с санкциями США против России. Доступ: http://www.mid.ru/brp_4.nsf/newslines/25A2BD25E3B202BD44257D1800253CCB (проверено 17.07.2014).

³ Путин В.В. 2013. Красные линии Владимира Путина. Выступление на Валдайском форуме. Доступ: <http://www.rg.ru/2013/09/26/valdai.html> (проверено 27.09.2013).

⁴ Там же.

⁵ Путин В.В. Выступление и дискуссия на Мюнхенской конференции по вопросам политики безопасности. – *Официальный сайт Президента России*. Доступ: http://archive.kremlin.ru/appears/2007/02/10/1737_type63374type63376type63377type63381type82634_118097.shtml (проверено 11.06.2014).

⁶ Там же.

⁷ Zogby J. 2007. Public Diplomacy. Joseph S. Nye Jr. Smart Power Initiative. Cris Commission on Smart Power. CSIS Press Center for Strategic and International Studies. P. 54. URL: http://csis.org/files/media/csis/pubs/071106_csissmartpowerreport.pdf (accessed 20.05.2014).

д) направленность курса России на формирование независимой внешней политики (такая политика заложена в более чем тысячелетней российской истории).

Стоит отметить, что принципиальность и последовательность такой позиции В. Путин продемонстрировал на совещании послов и постоянных представителей Российской Федерации в 2012 г.: «Внешняя политика России была, есть и будет самостоятельной и независимой. Она последовательна, сохраняет преемственность и отражает уникальную, сформировавшуюся за века роль нашей страны в мировых делах и в развитии мировой цивилизации»¹.

2. Возвращение Крыма в состав России, что, на наш взгляд, является индикатором конкретного проявления веской силы. Мы настаиваем именно на такой трактовке в противовес растиражированному западными СМИ термину «аннексия». Ярким свидетельством убедительных действий В. Путина являются данные опросов: «88% опрошенных выступают за присоединение Крыма к России, вызывающее у подавляющей части респондентов позитивные эмоции (чувство торжества справедливости, гордость за страну, радость). Вхождение в состав России этого региона Украины респондентами объясняется, во-первых, необходимостью защиты русского населения, подвергающегося опасности со стороны радикальных украинских националистов (62%). Во-вторых, восстановлением исторической справедливости (38%). В третьих, возвращением России к традиционной имперской роли (79%). Более двух третей (67%) россиян считают, что, если на референдумах в других регионах Украины большая часть населения данных территорий проголосует за выход из состава Украины, России следует принять эти регионы в свой состав»².

Один из влиятельнейших классиков социологии Питирим Сорокин почти 100 лет назад в письме к своему другу, коллеге, ученому, политическому деятелю и лидеру Украинского национально-освободительного движения (1918–1921) Никите Ефимовичу Шаповалу выразил свое несогласие по поводу любой попытки разжигания ксенофобских националистических настроений в обществе. Он писал: «Мое “отрицательное” отношение к Вашей политике состояло и состоит, как мы не раз “спорили” с Вами, в моем убеждении, что линия “суверенной Украины”, стимулирования нелюбви и ненависти к “Великой России” – и утопична, и вредна и для Украины, и для России. Теперь, больше чем когда-либо, я верую, что исторические судьбы Харькова, Киева, Москвы, Петербурга и Вятки – едины и неотделимы, что не мешает лишь признать и желательность широких политических и культурных автономий этих и других “провинций или штатов” России» [Сорокин 2005: 578]. Сегодня актуальность этих слов не вызывает сомнения. Политическая авантюра США – попытка столкнуть Украину с Россией в военном конфликте как часть большого американского плана «управляемого хаоса», – благодаря убедительным действиям России в Крыму, остается нереализованной. Впрочем, как и попытки навязать свою волю независимому Донецку и Луганску.

В качестве веского аргумента, подтверждающего начало создания новой политической инженерии, мы приведем слова, которые З. Бжезинский произнес с сожалением, а мы воспринимаем как объективное признание грядущих изменений в геополитике. Назвав одной из главных причин утраты привлекательности Америки в мире «феномен глобального политического пробуждения», он сказал, что никогда прежде за всю историю человечества народы не выражали столь открыто свое политическое самосознание. «Это сделало мир трудноуправляемым»³.

Чтобы привести убедительные доводы для обоснования веской силы, подробно остановимся на описании технологии, которая, на наш взгляд, легла в основу российской политической стратегии в украинском конфликте.

¹ Путин В.В. Совещание послов и постоянных представителей России. Доступ: <http://президент.рф/новости/15902> (проверено 10.06.2014).

² Левада-Центр. Опрос проведен 21–24 марта 2014 года. Доступ: <http://www.levada.ru/26-03-2014/proiskhodyashchee-v-ukraine-krymu-i-reaktsiya-rossii> (проверено 26.03.2014).

³ Бжезинский З. 2012. Америка не сумела обратить себе на пользу распад СССР. Интервью газете «Комсомольская правда» 05.02. Доступ: <http://www.kp.ru/daily/25829/2805033/> (проверено 07.02.2012).

Стратегия внезапности. Ярким примером, подтверждающим действенность данной стратегии, является бескровное возвращение Крыма и Севастополя. Можно сказать, что для США и ЕС случилось непредвиденное: референдум в Крыму и Севастополе, санкция Совета Федерации Федерального Собрания РФ на применение вооруженных сил на территории Украины, проверка боеготовности войск и флота у границ РФ. Неверная оценка ситуации стала крупным просчетом американских политиков, тогда как В.В. Путин наглядно продемонстрировал серьезность своих намерений и твердость позиции. Вот лишь одно из объективных признаний: «Мы называем это [действия России] операцией влияния... Россия эффективно применила все средства воздействия: информацию, дипломатию, политику, военную мощь – как открытую, так и нетрадиционную, – и экономику»¹.

Тактика на опережение. Несомненно, она связана с крымским сценарием. Но применение такой тактики можно рассматривать и на других примерах. Буквально за несколько часов до начала трехсторонних переговоров в Вене, на которых должен был обсуждаться «украинский вопрос», Путин попросил Совет Федерации отменить постановление от 1 марта 2014 г. об использовании российской армии на территории Украины и получил согласие². Тем самым он опередил действия американских и европейских политиков, остановив новый поток санкций против России.

Также была проведена встреча В. Путина с председателем КНР Си Цзиньпином, результатом которой стало подписание долгосрочного договора между Газпромом и китайской компанией *CNPC* на экспорт российского газа в Китай (21.05.2014). На этой встрече также была достигнута договоренность о сотрудничестве в торгово-экономической, энергетической и гуманитарной сферах; было сделано совместное заявление по Украине, в котором лидеры двух стран осудили практику односторонних санкций и высказали твердое намерение противостоять вмешательству США во внутренние дела других государств³. Несмотря на попытки американских и некоторых европейских политиков преуменьшить значение российско-китайского партнерства, оно является убедительным доказательством веской силы и проявлением дальновидной опережающей стратегии российского лидера.

Политика притяжения. Основу данной политики составляет активный поиск союзников России с целью объединения для консолидированных действий – создание новых альянсов и укрепление уже имеющихся проектов, таких как БРИКС, ШОС, ОДКБ. Китай, Индия, Латинская Америка, Иран, Турция, Африка и др. страны уже открыто обозначили свою позицию в поддержку России. Стоит отметить, что и среди европейской международной общественности поддержка России уже не является единичным случаем⁴. Еще одним веским аргументом в пользу укрепления позиций России на международной арене и расширения «климата доверия» является 6-й саммит БРИКС, результаты которого можно назвать революционными. Главным достижением саммита является курс на построение многополярного мира, основанного на финансово-экономическом партнерстве, а не на военном или политическом соперничестве. А это уже совершенно новый мировой расклад сил и гарантированная защита от экономической войны, которую США инициируют не только против России, но и против тех стран, которые не согласны с ее силовой доктриной.

Мы считаем, что важно принять во внимание эти результаты, поскольку они активно дополняют контуры новой политической инженерии, в которой Россия

¹ Jones S. 2014. Masterly Russian Operations in Ukraine Leave NATO One Step Behind. – *The Financial Times Ltd.* URL: <http://www.ft.com/home/europe> (accessed 09.06.2014).

² Путин В.В. Предложение об отмене постановления об использовании Вооруженных Сил России на территории Украины. – Сайт *Администрации Президента РФ*. Доступ: <http://www.kremlin.ru/acts/46057> (проверено 25.06.2014).

³ Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о новом этапе отношений всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия. – Сайт *Администрации Президента РФ*. Доступ: http://news.kremlin.ru/ref_notes/1642 (проверено 22.05.2014).

⁴ Tharoor I. 2014. It's not Just Ukraine: Putin's Friends in Europe Are Gaining Strength. – *Washington Post*. URL: <http://www.washingtonpost.com/blogs/worldviews/wp/2014/05/07/its-not-just-ukraine-putins-friends-in-europe-are-gaining-strength/> (accessed 06.07.2014).

играет ведущую роль и хоть медленно, но верно набирает очки в схватке с пропагандистской машиной американского истеблишмента.

Подтверждение этому мы находим в наиболее свежих работах отечественных авторов, например уважаемого и признанного специалиста в области политической философии К.С. Гаджиева. Но нам представляется преждевременным вывод автора о том, что власть не может быть сильной «в условиях все более растущей неопределенности, неравновесности, непредсказуемости мировых процессов» [Гаджиев 2014]. Мы полагаем, что власть может быть сильной даже в этих условиях. Вопрос скорее в том, как власть распорядится «кредитом доверия», который может как увеличить, так и уменьшить ее силу.

В то время как США стремятся сделать «правильные» заявления, ЕС подбирает терминологию для новой реакционной риторики, освобождая себя от моральных оков, Россия создает силу, способную «заполнить тот вакуум, который образовался после очевидной несостоятельности традиционных идеологических систем» [Гаджиев 2014].

Список литературы

Бжезинский З. 2010. *Выбор. Мировое господство или глобальное лидерство*. М.: Международные отношения. 190 с.

Гаджиев К. 2014. Перспективы демократии в век информационной революции. — *Власть*. № 8. С. 19-28.

Киссинджер Г. 1997. *Дипломатия*. М.: Ладомир. 848 с.

Лакофф Дж., Джонсон М. 2008. Метафоры, которыми мы живем. — *Язык и моделирование социального взаимодействия*. М.: ЛКИ.

Парсонс Т. 1998. *Система современных обществ*. М.: Аспект Пресс. 270 с.

Сорокин П.А. 2005. *Социология революции. Из письма от 28 ноября 1929 г. Никите Ефимовичу Шаповалу*. М.: Территория будущего: РОССПЭН. 2005. 702 с.

Nye J.S. 2010. The Future of American Power: Essay. — *Foreign Affairs*, No 6. Council on Foreign Relations, Inc. URL: <http://www.foreignaffairs.com/issues/2010/89/6> (accessed 21.05.2014).

KARPOVA Anna Yurievna, *Cand.Sci.(Soc.)*, Associate Professor of the Department of Sociology, Psychology and Law, Institute of Humanities, Social Sciences and Technologies of National Research Tomsk Polytechnic University (Lenina Avenue, 30, Tomsk, Russia, 634050; belts@tpu.ru)

SOLID POWER OF RUSSIA IN THE NEW WORLD ORDER

Abstract. In this work the author gives the definition, basis and description of the solid power, a new conceptual metaphor. The main hypotheses of the author is based on the fact that the American concepts of soft and smart power allow building doctrines, strategies and scenarios that support the ideological formulation of the hard power policy. The policy is veiled under the idea of promoting the model of American democracy and justification of the military intervention and economic pressure on the other countries with the voluntary consent or participation of the citizens. The author points out the reasons for the political mistakes of the American administration, which led the United States to deflation of the resources of soft and smart power and gradually descended its potential. This is why the United States are rapidly losing their political credibility at the international arena. The impetus for this were the events in Ukraine, which exposed the weak points in the American coercive scenarios. The author's opinion is that Russia realizes a new scenario based on the solid power as a new form of political power, the basis of which are a dialogue, trust, and unity. Russia is returning to the big politics as a strong, independent country, ready to defend its interests, and to restore its influence in the world. Political modernization of the world picture at the arena of the struggle for Ukraine creates a point of no return to the old unipolar model of existence.

Keywords: hard power, soft power, smart power, solid power, technology failures, scripts, doctrine, concept, strategy, conflict, Ukraine, Russia, USA

References

Brezinski Z. *The Choice: Global Domination or Global Leadership*. Basic Books. 2004. 233 p. (Russ. ed.)

Bzhezinskiy Z. *Vybor. Mirovoe gospodstvo ili global'noe liderstvo*. M.: Mezhdunarodnye otnosheniya Publ. 2010. 190 p.)

Gadzhiev K. Prospects for Democracy in the Era of Information Revolution. — *Vlast'*. 2014. No 8. P. 19–28. (In Russ.)

Kissinger H. *Diplomacy*. Highlighting edition. Simon & Schuster, 1994. 912 p. (Russ. ed. Kissindzher G. *Diplomatija*. M.: Ladomir Publ. 1997. 848 p.)

Lakoff G., Johnsen M. *Metaphors We Live by*. London: University of Chicago Press, 2003. 276 p. (Russ. ed. Lakoff Dzh., Dzhonson M. *Metafori, kotorymi my zhivem*. — *Jazyk i modelirovanie social'nogo vzaimodejstviya* [*Language and Modeling of Social Interaction*]. M.: LKI Publ. 2008. 256 p.)

Nye J.S. The Future of American Power: Essay. — *Foreign Affairs*. 2010. No 6. Council on Foreign Relations, Inc. URL: <http://www.foreignaffairs.com/issues/2010/89/6> (accessed 21.05.2014).

Parsons T. *The System of Modern Societies*. Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall. 1971. 328 p. (Russ. ed. Parsons T. *Sistema sovremennyh obshhestv*. M.: Aspekt Press Publ. 1998. 270 p.)

Sorokin P.A. *Sociologija revoljucii. Iz pis'ma ot 28 nojabrja 1929 g. Nikite Efimovichu Shapovalu. [Sociology of Revolution. The letter to Nikita Shapoval. 28.11.1929]*. M.: Territorija budushhego Publ.: Russian Political Encyclopedia Publ. 2005. 702 p.

Вниманию читателей!

По техническим причинам в статьях О.Ю.Дубровиной, опубликованных в № 8 и № 9 журнала за 2014 год, выпали окончания названий статей, в результате чего разные статьи вышли под одним и тем же названием. Статья, опубликованная в № 8 журнала «Власть», называется **«*Политический механизм регионального измерения внешней политики государств: понятие, структура, регулятивная составляющая политического механизма*»**, а в №9 — **«*Политический механизм регионального измерения внешней политики государств: организационная и функциональная составляющие*»**.

Редакция журнала «Власть» приносит свои извинения автору.